

УДК 81'27
ББК Ш100.63

ГСНТИ 16.21.51

Код ВАК 10.02.19

Н. И. Коновалова Н. I. Konovalova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

МИФОЛОГЕМА КАК СВЕРНУТЫЙ САКРАЛЬНЫЙ ТЕКСТ

MYTHOLOGEME AS A CONCISE SACRED TEXT

Аннотация. Мифологема рассматривается как операциональная единица анализа культурно-национальной картины мира. Приводится поэтапная модель лингвокультурного анализа мифологемы, демонстрируемая на примере анализа мифологемы «ночь». Выявляются расхождения между дефинициями толковых словарей и представлением мифологемы «ночь» в русском языковом сознании.

Abstract. The mythologeme is viewed upon as an operational unit of analysis of the national cultural world image. A stage model of linguo-cultural analysis of the mythologeme "night" is worked out. Differences between the definitions found in the dictionaries and the reflection of the mythologeme in the Russian linguistic mentality are further described.

Ключевые слова: мифологема «ночь»; симпатическая магия; лингвокультурный анализ; народная медицина; семейно-бытовые обряды; заговоры; этимологический анализ.

Key words: the mythologeme "night"; sympathetic magic; linguo-cultural analysis; popular medicine; family rites; charms; etymological analysis.

Сведения об авторе: Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации.

About the author: Konovalova Nadezda Ilinichna, Doctor of Philology, Director of the Institute of Philology, Cultural Studies and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 282.
e-mail: sakralist@mail.ru.

Сакральный текст обладает особой символикой, являющейся отражением в нем реликтов мифологического сознания, для которого, как известно, «нет восприятия, которое не включалось бы в мистический комплекс, нет явления, которое было бы только явлением, нет знака, который был бы только знаком: слово никогда не могло бы здесь быть просто словом. Всякая форма предмета, всякий пластический образ, всякий рисунок имеет свои мистические свойства: в силу той же необходимости эти свойства имеет и словесное выражение, которое является словесным рисунком» [Леви-Брюль 1994: 70].

Мистический комплекс «явление — образ — слово», типичный для сакрального текста, характеризует симультанность, одновременность, нерасчлененность [Словарь иностранных ... 1964: 591] образного познания мира и его мифоритуальной интерпретации. Архаическое сознание моделировало свой образ мироздания, свою виртуальную реальность, населенную множеством вымышленных персонажей, которые воспринимались как реально существующие рядом с человеком, вокруг него, только невидимые. Иллюстрацией мистического опыта освоения действительности может служить, например, развернутость демонологического семантического пространства. Эти мифические образы символизировали домашний очаг (Чур, пенаты), неосвоенное, сакрально негаран-

тированное пространство (лешие, водяные, болотные), модель семьи (домовой — домовиха — домовята), болезни (Трясея, Оз-нея, Глухей и др. имена сестер-лихорадок, олицетворяющих симптомы болезни), причины несчастий (насыльный бес, ходячая порча, летучий огонь) и т. д.

Таких выразительных символических образов не было бы без мифа, как, впрочем, и мифа без символа.

В области современного гуманитарного знания понятие мифологемы стало междисциплинарным, что, с одной стороны, приводит к размыванию его дефиниции, с другой — свидетельствует о согласовании разных парадигм: философской, культурологической, социологической, психологической, филологической при исследовании феномена общественного и индивидуального сознания.

Неоднозначность определения сущностных характеристик понятия «мифологема» можно, по-видимому, рассматривать как следствие обращенности исследователей к разным аспектам этого феномена в русле исторически сложившихся школ изучения мифа: психологической (К. Юнг), структурной (К. Леви-Стросс), ритуально-мифологической (Дж. Фрэйзер), структурной фольклористики (В. Я. Пропп).

В современном употреблении можно выявить следующие смыслы, включаемые в объем понятия «мифологема»:

© Коновалова Н. И., 2013

1) максимально большая смыслообразующая единица текста мифа (определение, по сути близкое к исходному, отражающее его семантико-функциональные параметры и используемое в современных исследованиях по мифологии);

2) единица религиозного нарратива (в данном случае во внимание принимается одна из сущностных характеристик мифологемы, отражающая ее связь с культом);

3) цитата из библейского текста (такое понимание представляет лишь одну из частных разновидностей мифологемы, используется в работах по лингвофольклористике и текстологии);

4) элемент наивного представления о мире, выступающий в роли результата его когнитивного освоения (определение мифологемы, обращенное к ее психоментальной сущности, характерное для современной когнитивистики);

5) исходные образы и сюжеты в искусстве, основанные на традициях народной культуры и приобретшие статус символических (подход, характерный для культурологической и этнологической парадигмы исследований);

6) лексическая единица знакового характера, выступающая как репрезентант свернутого текста мифологического содержания (мифологема в семиотическом ракурсе);

7) некая первичная сюжетная схема, некая кросскультурная идея, встречающаяся в фольклоре разных народов (определение, в обобщенном виде представляющее использование понятия «мифологема» в трудах по этнопсихологии, этнографии, фольклористике);

8) стереотипы массового сознания, в том числе идеологические клише (подобный подход к использованию понятия «мифологема» характерен для современной социолингвистики).

Все приведенные выше определения апеллируют к особенностям ментальной основы мифологемы. Наивно было бы предполагать существование в сознании современного носителя языка базовых мифологем пралогического мышления в исконном виде, однако тот факт, что они в трансформированном варианте «дожили» до наших дней, находит несомненное подтверждение в некоторых социально-культурных стереотипах. Не случайно самое активное использование в последние годы термин «мифологема» получил именно в рамках социолингвистических и лингвокультурологических исследований проблем обыденного сознания. Ср., например, учет в рекламных технологиях социальной мифологизации традиционных культурных феноменов (образов), что рас-

считано на такие свойства массовой культуры, как претензии на формирование вкусов «большинства». Потребитель должен легко усваивать содержащуюся в рекламе информацию, а наиболее легко, как известно, усваиваются именно архаические образы, которые часто эксплуатируются рекламой. Практически любое рекламное сообщение апеллирует к архетипическим мифологемам, обращение к которым может быть не обязательно осознанным, так как автор и получатель информации находятся в одном культурном поле, в котором данная мифологема существует и однозначно декодируется. Архаические (мифологические) пласты есть в сознании любого человека как «знак культурной самоидентичности человека» [Лобок 1997: 27].

Предварительные замечания позволяют рассматривать мифологема как операциональную единицу анализа культурно-национальной картины мира. Эта единица обладает многоуровневой иерархией смыслов: во-первых, она обращена в прошлое, ее основу составляют традиции национальной культуры; во-вторых, она отражает настоящее, реальность современной культурной ситуации, стереотипы коллективного сознания. Эти параметры мифологемы обуславливают необходимость обращения как к анализу мифоритуальной традиции, так и к интерпретации современных проявлений исходных архетипов. Предлагаемая ниже модель лингвокультурного анализа мифологем базируется на следующих постулатах:

- Мифологические представления являются **основой ритуалов**, представляют их «мыслительную часть». Именно в мифологических представлениях заложено первичное практическое знание человека о мире, поэтому они выступают основой регламентации поведения отдельного индивида в соответствии с правилами, принятыми социумом.

- Мифологема как единица мифологических представлений синтезирует особым образом осмысленную реальность практического знания о предмете и сакральность ритуализованного образа предмета, сложившегося в сознании человека (в коллективном представлении).

- Мифологема может выступать в качестве единицы структурирования культурного текста, включающего элементы разных кодов: вербального, предметного, акционального и прочих, что обусловлено сущностными свойствами мифа, который «в качестве своеобразного способа освоения действительности ... характеризуется тем, что все вещи и явления воспринимаются в нем как сопричастные друг другу» [Исаев 2002: 88].

В соответствии с вышесказанным модель лингвокультурного анализа мифологемы можно представить следующим образом:

1. Семантическая структура «имени» мифологемы (по словарным дефинициям).

2. Современные социально-культурные стереотипы, представляющие мифологему.

3. Сюжеты-исток (мифологические, обрядовые, фольклорные, бытовые).

4. Элементы мифа, формируемого данной мифологемой (система образов, сквозных мотивов, ритуальных действий и атрибутов).

5. Связанная с мифологемой идиоматика (афористика) и ее интерпретация.

6. Трансформация семантики мифологемы: забвение, переосмысление, рождение новых смыслов и т. п.

Приведем вариант лингвокультурологического комментария сакрального текста на примере мифологемы *ночь*, которая характеризуется особой символической нагруженностью, в том числе сакральной. Отметим здесь лишь те элементы семантики мифологемы, которые несут сакральные смыслы. С одной стороны, '*ночь — разрушение, смерть*', '*ночь — архетип тьмы и мрака*'; с другой — это '*намеренное столкновение с силами зла и победа над смертью*', '*ночь — жизнь духов, теней, призраков, оборотней, ведьм и вообще всякой нечисти*'; '*ночь — время главных таинств жизни*'; '*ночь мистична и метафизична*'; '*волшебная ночь делает невозможное возможным*'; '*ночь — время предчувствий*'; '*ночь — сфера бессознательного*' [См., напр.: Жюльен 1999; Символы... 2003].

Даже такое эскизное представление символического комплекса, репрезентирующего семантику *ночи*, позволяет сделать вывод о необходимости интерпретации этой мифологемы в широком культурном контексте, поскольку отмеченные символические смыслы лишь в незначительной степени отражены словарными дефинициями. Ср.: «1. Ночь — время, когда солнце бывает под закров (горизонтом). 2. Север. *Сибирские реки на ночь потекли*. 3. Тьма, потемки, темь, темень, темнота, мрак. 4. Невежество, незнание истин и добра: *Народ этот умом и сердцем живет в ночи*. 5. Глухая ночь — полночь, вполне наставшая ночь, между сумерками и зарею» [Даль 1989: 557].

Можно отметить преобладание денотативных характеристик обозначаемого, и даже символически маркированный блок '*тьма, потемки, темь, темень, темнота, мрак*' выступает здесь лишь как образная база оценочной коннотации для компонента '*мрак духовный*'. Ср. также данные «Русского семантического словаря»: 1. Ночь — часть

суток от захода до восхода солнца, между вечером и утром. 2. Глубокая ночь — ее самое темное, глухое время. 3. Варфоломеевская ночь — в Париже в 1572 г. массовое убийство гугенотов католиками в ночь святого Варфоломея, организованное Екатериной Медичи и ее приближенными. 4. Ночь нависла над кем-чем — о наступлении мрачной, тяжелой поры. 5. Не к ночи будь помянут — о ком-н. очень неприятном, кого лучше не вспоминать (первоначально о чёрте). 6. Тысяча и одна ночь! (разг. шутл.) — о чем-н. запутанном, сложном, связанном с приключениями.

В данной дефиниции *ночь* также представлена денотативными семантическими множителями (в частности, '*время*' и '*состояние*'), и хотя авторами включается историко-культурная информация (в том числе и сакрального плана), символические смыслы не отражаются совсем.

Такое лексикографическое представление *ночи* частично соотносится с направлениями актуализации концептуальных признаков, которые можно выявить при анализе словообразовательного потенциала имени мифологемы (на материале словообразовательного словаря русского литературного языка, без учета диалектных производных, значительно активнее разрабатывающих это понятие). Ср.: а) уменьшительно-ласкательные образования от производящего: *ночка, ноченька, ночушка*; б) обозначения предметов по отношению к производящему: *ночник, ночлег, ночлежка*; в) названия живых существ — насекомых, животных, лиц через соотнесение с производящим: *ночница, ночник, ночевщица, ночевальщик, ночлежник, ночлежница, соночлежник, полуночник, полуночница*; г) обозначение признаков, соотносимых с производящим: *ночной, ночью, предночной, по-ночному, полночный, полуночный, пополуночи, ночесь*; д) действия, мотивированные производящим: *ночевать, заночевать, переночевать*; е) временные характеристики, соотносимые с производящим: *полночь, всенощная* [Фразеологический... 2003, т. I: 677].

Не вызывает сомнения тот факт, что количество и репертуар производных свидетельствуют о хорошей разработанности как денотативной, так и коннотативной зон понятия и о возможности многообразных ассоциативных связей семантических компонентов мифологемы *ночь*. Это подтверждается и данными афористики, отражающей именно культурные коннотации, слабо представленные в толковых словарях: «Ночь — опасное время, когда совершаются неблагоприятные дела»: *Ноченька все покроет; По ночам*

и лиса мышкует ('промышляет'); *Темна ночь татю родная мать; Темна Божья ночь, черны дела людские.*

Ночь — сакрально негарантированное, нечистое (демоническое) время, поэтому следует заручиться помощью ангелов-хранителей: *К ночи не поминай чертей; Домовой по ночам стучит и возится, выживая хозяина; На ночь избу подпахать* (подмести), *чтобы ангелам чисто прохаживаться; Спокойной (покойной, доброй) ночи* — пожелание на ночь хорошего сна, отдыха; *Не к ночи будь сказано* — не время, не следует говорить, упоминать о ком-либо или о чем-либо, так как эта мысль может вызвать чувство страха; *Не к ночи будь помянут* — о ком-(чем)-либо страшном, очень неприятном. Выражение напоминает о древних суевериях: наши предки верили, что достаточно вслух произнести имя зверя, злого духа или чертей, как они тут же появятся. На такие слова налагалось табу [Бирх, Мокиенко, Степанова 2005: 480].

Ночь — время таинств, бдений, символизирующих победу духа над плотью, ночь сакральна и является временем рождения и воскресения Бога [Символы ... 2003]: *Всенощная служба, всенощное бдение* — 'церковная служба, проводимая ночью накануне праздников'. *Всенощник (печь)*. Пирог, который пекут к церковному празднику. *Как закончится всенощная, так домой придут и всенощники едят, а готовят их раньше; На Иванов день пекут всенощники.*

Таким образом, можно говорить о «нестыковке» лексикографического «портрета» мифологемы *ночь* и психологической реальности ее представления в русском языковом сознании.

Считаем, что анализ культурно насыщенных понятий должен включать комплекс мифоритуальных, психологических, символических, прагматических, когнитивных, лингвокультурных и т. п. оснований формирования их структуры и семантики. Содержательно-смысловой анализ мифологемы в качестве обязательного этапа предполагает интерпретацию представленных в ней элементов мифа (системы образов, сквозных мотивов, ритуальных действий и атрибутов, клишированных словесных формул и т. п.).

К содержательным компонентам сакрального текста относится сакральная символика, анализ которой дает ключ к пониманию образного познания мира и его мифоритуальной интерпретации. Описание мифосимволизма сакрального текста предполагает обращение к словесным магическим формулам и языковым средствам выражения символики «сопричастности». Эта символика по отношению к мифологеме *ночь*,

в частности, находит отражение а) в симпатической магии — одним из основных приемов народной медицины (суть ее заключается в том, чтобы получить желаемое / передать нежелаемое посредством изображающих этот процесс действий, направленных от человека к какому-либо предмету: камню, растению и т. п.); б) в партициптивной магии заговорного текста, проявляющейся в метафорическом параллелизме названий (обряда и ассоциативно связанного с ним предмета; имени персонифицированного духа ночи и явления, предмета, с которым он связан, причем эта связь может быть весьма условной); в) в символических образах (олицетворенной ночи и ночных духов, болезни или ее отдельного симптома и т. п.); г) в наборе специализированных оберегов; д) в цветовых символах ночи. Так, пример **симпатической** магии мы видим в обряде купания ребенка, родившегося ночью: чтобы младенец был спокойным, бабка кладет в воду для купания три камешка, которые берет из избы, с улицы и из бани, и говорит: «Как эти камешки *спят и молчат, никогда не кричат, не режут, ...* так бы и у меня раб Божий младенец *спал бы и молчал, никогда не кричал, не ревел*».

Ярким примером партициптивной заговорной магии являются ритуальные действия по изгнанию полуночников, имена которых связаны с симптомами детской ночной бессонницы (*изгнание полуночны-беспокойны, избавление от полуночницы-бессонницы-беспокойницы, отпугивание плаксы, задабривание бессонницы-полуночницы* и т. п.; см. ниже). Ср. также партиципацию имени ночного мифологического персонажа и названия растений и настоев из них: **Ночник, полуночник. Настой трав, в котором купали детей для избавления от ночниц.**

К символическим образам *ночи* можно отнести как саму олицетворенную ночь, которую часто называют именами собственными (*Пелагея, Маврея, Маремьяна, Еремия, Катерина, полуночница Анна Ивановна* и др.), так и персонифицированные предметы, способные издавать звуки: *батюшка воротный скрип, батюшка дверной скрип, матушка сенная дверь* и др.

Семантика мифологемы *ночь* связана в основном с культурной информацией о сфере семейно-бытовой обрядности и народной медицины, что проявляется, в частности, в персонификации духов ночи и ритуалах взаимодействия с ними.

Главными мифологическими персонажами ночи являются *ночницы* — «ночные демоны, нападающие главным образом на детей (иногда только новорожденных,

до крещения) и лишаящие их сна, а также сама вызванная ими болезнь (бессонница и крик). Термин *ночницы* известен всем славянам. По хорватским поверьям *ночницы* — длинноволосые бабы с когтями на пальцах рук. По единичным польским данным, они могли быть похожими на птиц или летучих мышей. В Западной Белоруссии верили, что *ночница* могла принять вид черного мохнатого червяка: если он проползет под колыбелью, то ребенок будет кричать по ночам. Чаще, однако, говорилось о невидимости этих духов или об их неясном, неразличимом в темноте облике [Славянские древности... 1995: 436—437].

В русской традиции *ночницы* — самый «популярный» персонаж заговоров от детской бессонницы. Названия *ночниц*, как правило, отражают представления об их типичных действиях. Приведем самые частотные имена *ночниц* и их действий, отмечаемые в текстах русских заговоров: **Шутуха-бутуха полуношница!** Не шути, не греши! Малого младенца Андрея не тронь, не шевели, за волосица не тереби, за бока не щипли, за подошвицы не щекоти!; **Полуношница-бессонница**, не теши, не потешайся над малым ребенком, теши-потешайся над жарком, над парком; **Щокотуха-рокотуха**, полуношница, не май мое дитя, не мотай ни по дням, ни по ночам, ни по вечерним зорям; **Госпожа полуношница**, в изголовье не стой, через головье не гляди, белого лица не цапай у раба Божьего Ивана; **Пресвятая полуношница**, не имай мого дитю, не позорь мого дитю, в глаза не гляди, ясны очи не лопи и др.

В случаях, когда внутренняя форма имени ночных духов затемнена, продуктивным является использование элементов этимологического анализа. Это дает возможность объяснить «принципы прочтения мифа или истолкования ритуала, а парадигматический набор повторяющихся в мифе мотивов образует условие понимания текста, причем само это понимание не что иное, как знание правил соотнесения прецедента с данным актуальным событием» [Топоров 2004: 488]. См. в этой связи наблюдения Т. А. Гридиной над актуализацией (в том числе на основе отсылки к прецеденту) разных зон ассоциативного потенциала слова в детской речи: «Случаи использования детьми прецедентной стратегии семантизации довольно редки, однако они, безусловно, намечают некоторую перспективу актуализации культурного слоя ассоциативного контекста слова в сознании ребенка» [Гридина 2013: 16].

Приведем примеры такого рода «номинативной рефлексии», нашедшей отражение

в номинациях ночных духов: *Шутуха-бутуха / шутуха-бутуха*. Ср.: *бутетениць* ‘колотить кого-либо, драть за волосы’; *буткать* ‘стучать, толкать’; болг. *бутам* ‘стукаю, касаюсь’, словен. *butati* ‘бить, стучать’. Ср. также: *шум*, предполагают родство с лит. *siaũsti* ‘бушевать’, *siaũstis* ‘веселиться’. Может быть, связано с *шустрый*? Родственного лит. *siũsti* ‘беситься’, *siaũsti* ‘буйствовать, свирепствовать’ [Фасмер 1986, т. 1: 252].

Бутуха-лепетуха. Ср.: польск. *lepietać się* ‘стукаться, ударять, хлопать’. Такое сочетание в одном имени двух слов с одинаковым мотивировочным признаком является своеобразным этимологическим «дублированием» названия действия с целью выражения его особой экспрессии.

Полуношница-щекотунья. Ср.: *щекотать* ‘щебетать, болтать’. Звукоподражательного происхождения, аналогично болгарскому *скагатаць* ‘пищать’, украинскому *заскиглити* ‘завизжать, поднять крик’.

Щекотуха-егозуха. Ср.: *егоза* ‘непоседа, юла’, родственно *яглый* ‘буйный, быстрый’.

Щокотуха-рокотуха. Ср.: *рокотать* ‘звучать’, *рокот*, связанное с *речь*; ср. также чеш. *řehtati* ‘хихикать’. Первоначально звукоподражательное.

Чохотурщица (щекотурница). Ср.: *чахнуть* ‘исчезать, усыхать’. Возможно, от *чехор*? ‘беспокойный человек, забияка’, *чехорной* ‘задорный, драчливый’, ср. чеш. *čechrati* ‘дергать, трепать’. Возможна и другая мотивация: от *щекотать* (см. выше).

Стрепетуха-полуношница. Ср.: *стрепет* ‘резкий шорох’. В основе лежит звукоподражательный корень, как в лат. *strepō*, *-ge* ‘шуметь, бушевать, греметь’, *стрепетать* ‘верещать, шуметь, визгом, свистом’.

Бессонница-переполошница. Ср.: *переполох*, *полох* ‘страх, ужас, испуг’, др.-русс. *полошити* ‘пугать’.

Можно отметить, что имена демонологических персонажей ночи в основном звукоподражательны. Это связано со спецификой обозначаемого: *ночницы* — духи, невидимые существа, которым приписываются все необъяснимые, странные, пугающие ночные звуки. Производящими для большинства наименований мифологических существ выступают глаголы с семантикой неуравновешенного поведения, активного воздействия на объект, нанесения ему вреда, а также действия, сопровождаемого резкими, неприятными звуками.

Страх перед *ночницами* обуславливает применение оберегов — «различных магических средств, предохраняющих человека от потенциальной опасности. Действие оберега состоит в том, чтобы различными спо-

собами предотвратить еще не реализованное зло — создать преграду между охраняемым объектом и опасностью, магически „закрыть“ охраняемый объект, сделать его невидимым, нейтрализовать носителя опасности, ... отогнать опасность, задобрить ее» [Славянские древности... 1995: 443].

Типичной стратегией взаимодействия с *ночницами* является задабривание с помощью ласковых обращений: *госпожа полуночница, ноченька-полуноченька, полуночная матка, пресвятая полуночница, полуночница-владчица* и т. п.

Традиционными «ночными» цветосимволами считаются три холодных цвета: *черный* — цвет потусторонних сил, ночи, тьмы, тайны; *темный* — такой, где тьма, потемки, мало свету для глаз, мрачный, подобный ночи, не освещаемый солнцем; *рябой (пестрый)* — цвет, в сфере народной духовной культуры связанный с негативными представлениями: изменчивостью, несчастьем, болезнью, нечистой силой и смертью. Ср. выражение *воробыная ночь* 'страшная, жуткая ночь со всплесками молний, бурей и грозой', ночь, когда «гуляют черти» (от *рябовая, рябья, рябинная ночь*, народно-этимологически переосмысленного как *рябиновая*, а затем и *воробыная ночь*), изначально соотносившееся с представлением о пестроте [Бирх, Мокиенко, Степанова 2005: 481]. Формальные преобразования привели к ремотивации: выражение *воробыная ночь* в синхронном употреблении осмысливается как 'короткая летняя ночь с непрерывными грозами или зарницами', ночь, когда воробьи вылетают из гнезд, тревожно чирикают, собираются в стайки.

Таким образом, судьба мифологемы *ночь* демонстрирует трансформацию ее семантической структуры. Об этом свидетельствуют и показания современного языкового сознания, например, данные, приводимые в «Русском ассоциативном словаре». Ср. модели ассоциативных полей с ключевыми словами, составляющими ядро мифологемы *ночь*:

НОЧНОЙ: *гость* 10; *сторож* 9; *бар*, *город* 5; *клуб*, *кошмар* 4; *ветер*, *горшок*, *дозор*, *звонок*, *патруль* 3; *вор*, *дневной*, *ковбой*, *мотылек*, *обход*, *портье*, *свет*, *страж*, *темнота* 2; *банкет*, *бриз*, *визит*, *вопл*, *вояж*, *вылазка*, *двор*, *день*, *дождь*, *донос*, *зал*, *замок*, *копак*, *кровать*, *круиз*, *ларек*, *мрак*, *налет*, *незабываемый*, *огонек*, *пейзаж*, *поздний*, *полет*, *разговор*, *свежий*, *связной*, *сеанс*, *театр*, *темно*, *темный*, *тишина*, *трамвай*, *ужас*, *фламенко*, *шум*, *экспресс* 1; 106+56+0+36;

НОЧНЫМИ: *дорогами*, *улицами* 8; *часами* 7; *кошмарами* 5; *бабочками*, *тропами* 4;

огнями, *поездами*, *темно* 3; *делами*, *поездом*, *путями*, *степями*, *сторожами* 2; *бабочками* *сыт*, *валяться*, *вечерами*, *волки*, *дежурства*, *дети*, *днями*, *дозор*; *звездами*, *звездными*, *играми*, *кони*, *кровать*, *овраг*, *оргиями*; *парочка*, *перебросками*, *подвигами*, *поезд*, *поездками*, *похождениям*, *прогулками*, *проделками*, *проулками*, *рейсами*, *руками*, *снами*, *сновидениями*, *соловьями*, *тайными*, *темными*, *трамвай*, *тропками*, *филином*, *фонарь*, *шторами*, *ястребами* 1; 100+52+8+37;

НОЧЬ: *темная* 133; *день* 63; *темна* 30; *темно* 25; *звездная* 19; *звезды* 17; *темнота* 14; *тихая* 12; *коротка* 10; *белая*, *длинная*, *луна*, *лунная* 9; *дочь*, *перед Рождеством* 8; *пришла*, *теплая* 7; *прочь*, *сон*, *утро* 6; *глухая*, *тиха* 5; *долгая*, *звезда*, *и день*, *короткая*; *любви*, *на дворе*, *нежна*, *спать* 4; *постель*, *прошла*, *Рождество*, *светлая*, *темень*, *тишина*, *точь-в-точь*, *холодная*, *черный* 3; *безлунная*, *без сна*, *брачная*, *воздух*, *в степи*, *глубокая*, *желтоглазая*, *кино*, *кровать*, *любовь*; *наступила*, *отдых*, *полночь*, *прекрасна*, *светла*, *святая*, *сутки*, *хорошо*, *ясная* 2; *бархатная*, *бесконечная*, *благодарная*, *благодатная*, *блаженство*, *близка*, *будет*, *в душе*, *в лесу*, *вместе с девушкой*, *в ночном*; *вокруг*, *в полнолуние*, *гулкая*, *деревня*, *дерево*, *длинный*, *для двоих*, *дом*, *дорога*, *до утра*, *друг молодежи*, *ель*, *женщина*, *живой*, *за полночь*, *звездной*, *июньская*, *комната*, *короткий*, *костер*, *красивая*, *легла*, *летняя*, *лето*, *люблю*, *майская*, *месяц (луна)*, *может нам помочь*, *напролет*, *необычно*, *непроглядная*, *новогодняя*, *Новый год*, *окно*, *отдых от рабочего дня*, *очень темна*, *первая*, *под Рождество*, *привидений*, *приятная*, *провести*, *пролетела*, *прохладная*, *пьяная*, *радость*, *рассвет*, *романтическая*, *свежая*, *светла* *и хороша*, *свиданий*, *сегодня*, *соловей*, *сплошная*, *спокойная*, *страха*, *страшно*, *сумасшедшая*, *счастья*, *телескоп*, *темный*, *тень*, *тепло*, *тихо*, *только моя*, *туман*, *ужас*, *ужасов*, *улица*, *ух*, *хороша*, *хорошая*, *чаровница*, *черна*, *черная*, *черная река*, *чернота*, *чудная*, *южная*;

НОЧЬЮ: *темной* 11; *темно* 10; *днем*, *звезды*, *спать* 6; *в лесу*, *гулять*, *и днем*, *луна*, *небо*, *поздней*, *страшно*, *темнота*, *темный* 2; *бандит*, *будет залп*, *в Коканде*, *в подъезде*, *в постели*, *в пустом переулке*, *в темноте*, *выйти*, *долгою*, *звезда*, *звездная*, *как-то*, *кошки*, *Крис Кельми*, *кровать*, *лодка*, *любить*, *любовь*, *муж*, *на кладбище*, *на крыше*, *на машине*, *на улице*, *не спать*, *нож*, *ужастики*, *нужно спать*, *один*, *окно*, *петь*, *под луной*, *поздно*, *пойти*, *поцелуй*, *приходить*, *сад*, *снят*, *сон*, *спит*, *спят*, *те-*

мень, темной выйду в лес, ты, ушёл, чернь 1; 102+58+1+44 [РАС 384—385].

Мы выделили реакции, хотя бы в какой-то степени отражающие отмеченные выше мифосимволические смыслы.

В заключение можно отметить, что динамика семантики мифологем в современном социокультурном контексте связана в значительной степени с утратой сакрального компонента и с выдвиганием на передний план профанного, обыденного, бытового, сниженного, лишенного таинственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. — М., 2005.
2. Гридина Т. А. Потенциальная семантика детских словотворческих инноваций в свете экспериментальных данных: методика прямого толкования // Уральский филолог. вестн. / гл. ред Т. А. Гридина. — Екатеринбург, 2013. № 3. Сер.: Психолингвистика в образовании. Вып. 2.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1989.

4. Жюльен Н. Словарь символов. — Урал Л. Т. Д., 1999.
5. Исаев М. И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. — М., 2002.
6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М., 1994.
7. Лобок А. М. Антропология мифа. — Екатеринбург, 1997.
8. РАС = Русский ассоциативный словарь. Т. 1. От стимула к реакции. — М., 2002.
9. Символы, знаки, эмблемы : энцикл. / авт.-сост. В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, В. Л. Телицын. — М., 2003.
10. Славянские древности : этнолингвист. слов. : в 5 т. / под ред Н. И. Толстого. — М., 1995.
11. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина. — М., 1964.
12. Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. — М., 2004.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М., 1986.
14. Фразеологический словарь русского языка. Т. 1. / сост. А. Н. Тихонов. — М., 2003.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. А. Гридина